

Был ли ядерный взрыв в Крыму? Почему новейший крейсер «Адмирал Нахимов» был исключен из корабельного состава ВМФ СССР? Зачем вахтенные журналы и другие документы «Адмирала Нахимова» были изъяты КГБ СССР?

Следствие ведут севастопольские экологи и правозащитники.

Когда я познакомился с выкладками бывшего корабельного врача с аварийно-спасательного судна «Казбек» Виталия Костриченко об испытаниях ядерной мины в прибрежных водах Крыма, я посчитал их очередной досужей «страшилкой». Хватит с нас одного Чернобыля, куда уж боле? Ядерный взрыв в Крыму — такой же абсурд, как подводная лодка в степях Украины. Но вот у Украины, пусть и не в степях, но все же появились свои подводные лодки. Вот и после встречи в севастопольской правозащитной организации «Моряки и корабли» («Морское собрание») с ее президентом, бывшим инженером-подводником Владимиром Стефановским, а также с Виталием Костриченко. контуры невероятной гипотезы обрели свою логику.

— Виталий Васильевич, на чем основывается ваше утверждение о том, что в декабре 1960 года в районе мыса Меганом произошел подводный ядерный взрыв?

— К такому выводу я пришел после многолетних изысканий в крымских архивах и других хранилищах государственных документов, после многих бесед с ветеранами Черноморского флота, после изучения научных данных, которые предоставили в мое распоряжение крымские гидрологи и сейсмологи. Речь идет прежде всего о загадочной судьбе легкого крейсера «Адмирал Нахимов». Это самый таинственный корабль советского флота, корабль-легенда, корабль- призрак... Давно рассекречены материалы по трагедиям линкора «Новороссийск», большого противолодочного корабля «Отважный», атомной подводной лодки «Комсомолец» и многих других кораблей, претерпевших в разное время катастрофы и тяжелые аварии. Стена молчания окружает лишь этот мало кому известный крейсер «Адмирал Нахимов». Это единственный корабль бывшего советского флота, вахтенные журналы и другие документы которого были изъяты из Центрального государственного архива ВМФ Комитетом государственной безопасности СССР. Но почему?

Невозможно найти ни одного приличного снимка крейсера, сделанного в последние годы его короткой жизни. Все фотографии и негативы «Адмирала Нахимова» были тщательно изъяты у моряков особым отделом Краснознаменного Черноморского флота.

— Вы хотите сказать, что именно этот корабль подвергся ядерным испытаниям в декабре 1960 года?

— Да. Есть немало оснований, чтобы утверждать это. По воспоминаниям ныне покойного ветерана Севастопольского морского завода Александра Ивановича Тимофеева, крейсер перед списанием прошел осмотр в Северном сухом доке. При этом было выявлено «обширное повреждение подводной части корпуса корабля в виде перебитого киля и деформаций подводной обшивки и килевых конструкций, невидимых в

воде». Какая сила смогла так изуродовать корпус бронированного корабля длиной более двухсот метров? Касание с грунтом? Но на мель «Адмирал Нахимов» ни разу не садился. Подобный факт слишком трудно утаить от моряков и флотской общественности.

— Тем труднее скрыть от экипажа в тысячу с лишним человек факт ядерного испытания...

— Во-первых, экипаж, находившийся внутри корабля по штормовой готовности, мог и не подозревать ни о каком ядерном воздействии на крейсер. Ведь взрыв был подводный, без световой вспышки. Просто одна из «штормовых волн» ударила под днище, встряхнула корабль, раскачала его и все. Такое в морях бывает, вы, наверное, слышали про неожиданные всплески волн-убийц? А радиация, как известно, ни на глаз, ни на ощупь не определима. Во-вторых, команду вообще могли оставить на берегу в казармах, а крейсер с подопытными овцами, лошадьми и другими животными могли отвести в район испытаний на буксирах. Но даже если команда и находилась на корабле, то утечка нежелательной информации могла быть предотвращена обычной подпиской каждого члена экипажа «о неразглашении...», как это практиковалось в те времена. Ведь сколько тысяч людей, участвовавших в так называемом тоцком эксперименте, в войсковых учениях со взрывом атомной бомбы, молчали десятки лет вплоть до наступления «эпохи гласности».

— Лично я считаю, что «феодосийский эксперимент», — вступает в нашу беседу капитан 2 ранга, инженер запаса Владимир Стефановский,
— проводился со всем своим личным составом на борту. Ведь цель подобного «учения» была не только в том, чтобы проверить возможности гидродинамического удара по крупному надводному кораблю, но провести весь комплекс мер по борьбе за живучесть в условиях ядерной войны. По сути дела это было продолжение уральских учений — только на море. А о людях в шестидесятом году думали так же мало, как и в пятьдесят седьмом.

Ну схватили моряки свою дозу, так, может, и сейчас еще с ней живут. Те, разумеется, кто оказался наиболее устойчив к радиации. Как сказал один печальный юморист: все мы живем по недосмотру начальства.

— Еще один косвенный, но тем не менее факт, — развивает свою версию Костриченко. — Хорошо известно, что после того, как «Нахимов» получил столь мощные повреждения подводной части, он прошел полный комплекс дезактивационных работ. С крейсера содрали весь деревянный настил палубы, а корпус был «отшкрябан», а затем покрыт очень дорогой краской — свинцовым суриком. Это перед самым-то списанием! Точнее, перед расстрелом.

Чтобы избавиться от «фонившего» корабля, решили его затопить под благовидным предлогом: вытащить на глубину и расстрелять как плавучую мишень противокорабельными ракетами. В июне 1961 года «Адмирала Нахимова» вывели на буксирах в сторону Одессы (миль на 50 от Севастополя) и оставили в дрейфе. С дистанции 72 километра ракетный корабль «Прозорливый» выпустил по нему ракету, которая попала в левый борт между первой и второй башнями главного калибра. «Нахимов» получил сквозную пробоину, а от разлившегося топлива ракеты возник пожар, который полыхал 12 часов кряду. Когда и куда отволокли корпус выгоревшего крейсера, достоверно неизвестно. Я полагаю, что его разобрали на металл в Херсоне.

— Заметьте, — комментирует В. Стефановский, — «Адмиралу Нахимову» было к тому времени всего семь лет — юношеский для крейсера возраст.

— Но ведь такой корабль стоил огромных денег. Разве нельзя было подыскать для испытания ядерной мины старый сухогруз подходящих размеров?

— Наверное, можно. Но важно было проверить, как поведет себя в атомном поединке именно военный корабль, конструктивно приспособленный для получения мощных огневых и гидродинамических ударов. Хрущев к тому времени определил на свой глаз, что крупные военные корабли нам не нужны, поскольку в условиях атомной войны они обречены на гибель. Поэтому приказал резать даже новейшие почти готовые крейсера и линкоры, стоявшие у достроечных стенок. Видимо, кому-то из его подпевал захотелось доказать правоту мудрого генсека экспериментально.

— Положим, крейсер ему было не жалко, но допустить ядерный взрыв вблизи южного берега Крыма, где Никита Сергеевич сам любил отдыхать... Должен же он был о собственном здоровье подумать?

— Насколько мне известно, — усмехнулся Костриченко, — Никита Сергеевич предпочитал Крыму Сочи. Но особого страха перед ядерным оружием он не испытывал, судя по его лихим выступлениям и деяниям. К тому же придворные специалисты могли авторитетно ему объяснить, что подводный ядерный взрыв в отличие от наземного или воздушного не заражает местность радиоактивной пылью, что вся гадость остается в воде, а циркуляция вод в Черном море довольно динамичная. Не пройдет и месяца, как все «рассосется». Преимущества же выбранного ими места бесспорны: феодосийский полигон был идеально оборудован необходимой научно—измерительной аппаратурой.

В нашу беседу снова вступил Владимир Стефановский:

— Я думаю, что на решение генсека о столь экстраординарных испытаниях ядерных мин повлияла и весьма напряженная внешнеполитическая обстановка тех лет. 1 мая 60-го над Уралом был сбит американский самолет-разведчик. Американцы нагнетали военную истерию вокруг Кубы. Назревала морская блокада «острова свободы» с весьма вероятной высадкой десанта. Проверенные на практике морские ядерные мины могли быть выставлены в Карибском море в противовес американской военной мощи в горячем регионе. Если на остров были доставлены ракеты с ядерными боеголовками, то почему бы не обезопасить подходы к плацдарму социализма в Центральной Америке и атомными минами?

— Но ведь это всего лишь предположение... Вы оба как инженер и врач должны оперировать фактами.

— Есть и факты, — раскрыл свою папку с документами Виталий Костриченко. — Вот справка из Гидрометеослужбы Черноморского флота. В интересующий нас период у побережья Крыма произошло лишь одно землетрясение: 4 декабря 1960 года. Его эпицентр находился в пяти милях мористее мыса Меганом на глубине 500 метров. Сила толчка — 3—4 балла. Человеческих жертв и разрушений нет. Ну очень интересное землетрясение, если иметь в виду, что феодосийский ракетно-артиллерийский полигон находился практически рядом, а 15 февраля после докования с крейсера «Адмирал Нахимов» был спущен флаг. Да и время проведения «землетрясения» выбрано весьма удачно: середина зимы, побережье безлюдно, даже вездесущие рыбаки не выходят в море.

На моей памяти, как и на памяти многих крымских старожилов, та огромная приливная

волна, которая прошла 4 декабря по побережью, срывая с якорей и выбрасывая на набережные рыбацкие суденышки, буксиры и баржи.

В 1999 году глубоководные аппараты «АРСы» брали пробы донных отложений под Феодосией. Результаты анализов удручают: радиоактивность ила в тех местах в десятки раз выше фоновых. Экологи Крыма продолжают свое расследование... А я вдруг вспомнил Феодосию 1961 года, детский санаторий «Волна», в который меня привезла мама. Как радостно и доверчиво мы бросались в белую пену прибоя. Неужели мы купались в море, отравленном за тридцать пять лет до Чернобыля?

[ОРИГИНАЛ СТАТЬИ](#)